

Голиков Л. М. Закон Российской империи о евреях как националистический текст / Л. М. Голиков // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 40—54. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-40-54.

Golikov, L. M. (2020). The Law of Russian Empire on Jews as a Nationalist Text. *Nauchnyi dialog*, 7: 40-54. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-40-54. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:003.074+340.130.53:316.647.82(=411.16)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-40-54

ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ О ЕВРЕЯХ КАК НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ¹

© Голиков Леонид Михайлович (2020), orcid.org/0000-0002-9952-4116, SPIN 7998-2040, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков, федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» (Вологда, Россия), Igolikov@mail.ru.

Представлены результаты исследования законов Российской империи о евреях. Утверждается, что эти документы образующих гибридную дискурсивную общность текстов, сочетающих директивность закона и персуазивность националистического текста. Актуальность работы обусловлена тем обстоятельством, что изучение нормативных текстов законодательства Российской империи (XVIII, XIX веков) позволяет не только раскрыть закономерности развития языка права, но и дополнить сведения о лингвопрагматических характеристиках речевых жанров. Новизна исследования видится в том, что рассматриваются примеры взаимовлияния законодательного и общественно-политического дискурсов. Автор из пласта законодательных актов, регулирующих правоотношения евреев, выделяет националистический закон о евреях, который отличает направленность на принуждение адресата каузировать ситуацию охранения христианства от враждебного воздействия евреев, на преодоление ситуации непогоды (вреда), где агенсом выступают евреи. Данное обстоятельство обеспечивает наличие в структурно-содержательной схеме мотивировочной части, представляющей обоснование полезности законодательной регламентации негативным характером образа евреев как этнической и религиозной общности, выражение контрастирующих прескрипций, дискриминационных в отношении евреев и преференциальных в отношении противостоящим евреям национальным, религиозным группам. Автор, анализируя употребление номинации *жид*, выделяет общий неинвективный характер националистического закона о евреях.

Ключевые слова: законодательный текст; националистический текст; националистический закон о евреях; речевой жанр.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

1. Введение

Лингвистическое исследование законодательных текстов Российской империи (XVIII, XIX вв.) в настоящее время представляется достаточно актуальной задачей, решение которой позволит исследователям не только раскрыть закономерности развития языка права (определить принципы и особенности формирования юридических терминосистем, создать реестр языковых форм правовой регламентации, описать модели нормативных жанров), но и дополнить сведения генристики [Седов, 2009] о лингвопрагматических характеристиках речевых жанров, о взаимовлиянии различных дискурсов — законодательного и общественно-политического. В этой связи наиболее благодарным материалом представляется ряд законов Российской империи о евреях, интегрирующих жанрообразующие признаки закона и националистического текста.

Описывая закон Российской империи о евреях как националистический текст (далее — националистический закон о евреях), мы основываемся на бахтинской теории речевых жанров, согласно которой жанры представляют «определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы» [Бахтин, 1997б, с. 164], где диктумное содержание жанра и его форма (стиль, или «модель, типическая форма, в которой отливается индивидуальный стиль высказывания», и композиция, или «организация целого, своеобразный метатекст, сеть (метатекстовых) перформативов»), определяя друг от друга, находятся в зависимости от действительности [Дементьев, 2010, с. 35—36], по-разному отражая эту зависимость. Подобное понимание порождает социопрагматический подход к рассмотрению речевых жанров, в рамках которого речевой жанр определяется как «вербально-знаковое оформление типической ситуации социального взаимодействия людей» [Седов, 2009]. Социальное становится фактором, диктующим жанрообразующие параметры [Анисимова, 2000; Шмелева, 1997], центральным из которых является образ адресата и его социальная реакция [Miller, 1984]. Как утверждал М. М. Бахтин, «всякое высказывание диалогично, т. е. адресовано другим, участвует в процессе обмена мыслями, социально» [Бахтин, 1997а, с. 213], то есть жанр необходимо понимать «репликой в диалоге <...> (даже когда имеется в виду роман, повесть и т. д.)» [Дементьев, 2010, с. 53].

Таким образом, и закон, и националистический текст являются социальными диалогами.

2. Жанрообразующие параметры закона

Жанр закона — прескриптивный диалог [Арутюнова, 1999, с. 650—651], специфику которого определяет директивная модальность, зависящая

от взаимоотношений автора и адресата законодательного текста [Киреева, 2019, с. 78]. Мы под директивной модальностью понимаем целеустановку автора закона на побуждение адресата закона каузировать предполагаемую первым определенную ситуацию. Законодательная директивность специфична по своим социопрагматическим характеристикам, среди которых выделяются социальная обусловленность, институциональность, утилитарность, четкая временная и пространственная определенность функционирования, легитимность, высокая степень категоричности, публичность. То есть директивная модальность закона соотносится с иллюкутивной (императивной) и деонтической модальностями.

Закон как прескриптивный диалог отличается 1) наличием соответствующего правового статуса у автора, который является субъектом целеполагания, предполагающим возникновение не только определенной ситуации в результате функционирования требования закона, но и эффекта пользы; 2) «жесткая запрограммированность реакции» [Арутюнова, 1999, с. 650] адресата, проявляющаяся в обязательном осуществлении действия. Это действие должно обладать свойством выполнимости [Арутюнова, 1999, с. 650], тогда адресат наделяется признаком ответственности, подразумевающей возможность подвергнуться негативному воздействию [Голиков, 2019, с. 13].

3. Жанрообразующие параметры националистического текста

Националистический текст — по классификации Н. Д. Арутюновой, «make-believe discourse», или речевое воздействие «с целью принятия решения или выяснения истины» [Арутюнова, 1999, с. 650], основанное на общности набора ценностей автора и адресата. Выделение националистического текста как дискурсивной общности [Бабикова, 2015; Ворошилова, 2014; Громова, 2017] можно объяснить «существенной разницей в презентации и позиционировании данных текстов по сравнению с текстами других политических сил» [Федюнина, 2008, с. 135]. Эта существенная разница проявляется прежде всего в приемах речевого воздействия на адресата. Автор националистического текста реализует националистический идеологический тип посредством контрастивной оценочности [Баранов, 2007, с. 455], выстраивая образ врага, противостоящего некоему этническому, культурному, религиозному идеалу [Ворошилова, 2012; Злоказов, 2014], которому принадлежат автор и адресат. В данном случае выражается «речевая интенция обличения, разоблачения, разъяснения предполагаемому коммуникативному адресату определённых характеристик» [Мельник, 2015, с. 108] его врага. То есть националистический текст — персуазивная

форма, избирающая основным способом воздействия особый тип аргумента — апелляцию к этническому, или «национальный аргумент» [Громыко, 2018].

4. Жанрообразующие параметры националистического закона о евреях

Российское законодательство на протяжении XVIII—XIX столетия регулировало правоотношения государства, титульной нации 1) со многими этническими группами: *камчатскими инородцами, сибирскими кочевыми и бродячими инородцами, бродячими тунгусами Якутской области, бурятскими казаками Забайкальского казачьего войска, армянами, баширами и мещераками, бухарцами, азиятцами, калмыками, татарами, крымскими татарами, киргизами, лезгинцами, ингелойцами, корелами, цыганами*; 2) с представителями различных конфессий, религиозных объединений: *раскольниками, пилипонами (пилиппонами), воскресниками, или малаканами (молоканами), язычниками, духоборцами, иконоборцами, скопцами, магометанами (мусульманами), протестантами* [ПСЗ 1; ПСЗ 2; ПСЗ 3]¹. Однако только евреи (прежде всего, как религиозная группа, затем как национальная), начиная с Алексея Михайловича и заканчивая Николаем II, требовала от государства законодательного внимания, что стало проявлением государственной националистической идеологии, которая определялась противоречивыми тенденциями: «одни мероприятия диктовались соображениями религиозными, другие — экономическими и фискальными, третьи — политическими, а чаще всего — совокупностью всех этих мотивов. Одними законами стремились к сближению и чуть ли не к ассимиляции евреев с коренным населением, другими — к полному их обособлению и отчуждению» [Законы ..., 1914, с. V].

Представляется, что националистический закон о евреях выпукло демонстрирует синтез законодательной директивности и идеологической персуазивности, то есть является, если использовать терминологию К. Ф. Седова, жанроидом [Седов, 2009]. Подобное жанровое образование реализовывалось, по нашим данным, в хронологических границах, обозначенных законодательными актами Анны Иоанновны и Александра II². Всего нами выделено 14 образцов, представленных в издании «Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев от Уложе-

1 В этом исследовании мы не претендуем на абсолютную полноту представленного списка, подобная задача не ставилась.

2 В период с 1859 по 1913 года примеры националистического закона о евреях нами не выявлены. Поиск производился по 2-ому и 3-ему изданию Полного собрания законов Российской империи [ПСЗ 2; ПСЗ 3].

ния Царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649—1873 г.»: № № 20¹ (1739 год) [СЗиП, с. 10—14], 23 (1742 год) [СЗиП, с. 17—18], 24 (1743 год) [СЗиП, с. 18—24], 26 (1762 год) [СЗиП, с. 22], 84 (1817 год) [СЗиП, с. 88—92], 99 (1820 год) [СЗиП, с. 103—106], 111 (1823 год) [СЗиП, с. 119—120], 112 (1823 год) [СЗиП, с. 120—122], 118 (1824 год) [СЗиП, с. 126—129], 124 (1825 год) [СЗиП, с. 135—137], 126 (1825 год) [СЗиП, с. 141—152], 637 (1850 год) [СЗиП, с. 749—750], 741 (1855 год) [СЗиП, с. 840—841], 849 (1859 год) [СЗиП, с. 926—928]. Необходимо отметить, что этот ряд — лишь незначительная часть пласта законодательных актов, регулирующих правоотношения евреев. Большинство таких текстов не обладают признаками жанровой гибридности даже в случае явного дискриминационного характера выражаемых ими прескрипций.

Националистический закон о евреях представляет собой дискурсивную общность законодательных текстов, выстраивающихся в определенную парадигму как минимум по следующим трем параметрам: 1) наличие в структурно-содержательной схеме мотивировочной части, представляющей 2) обоснование полезности законодательной регламентации негативным характером образа евреев как этнической и религиозной общности; 3) выражение дискриминационных в отношении евреев и преференциальных в отношении противостоящим евреям национальным, религиозным группам прескрипций.

Требование наличия мотивировочной части исключает из числа образцов националистического закона о евреях статьи кодификационных актов. Гибридный жанр реализуется в менее институализированных формах указов (именных, сенатских), манифестов, резолюций, мнений, положений, позволяющих законодателю использовать апелляции к негативному образу евреев в качестве мотива создания определенной прескрипции. Автор националистического текста выстраивает типизированную схему репрезентации подобного негативного образа преимущественно посредством речевых стратегий сверхобобщения и контраста [Van Dijk, 1983, p. 55, 58].

Так, в националистическом законе евреи определяются врагами христианства. Наиболее выразительным примером является известная резолюция Елизаветы Петровны на доклад Сената «О воспрещении Жидам проживать в России»: *От врагов Христовых не желаю интересной прибыли* [СЗиП, с. 21], ей же принадлежит определение: *имени Христа Спасителя ненавистники* [СЗиП, с. 18]. Враждебный образ возникает, когда

1 В целях экономии пространства статьи здесь не приводятся названия националистических законов о евреях, тексты определяются номерами, использованными в указанном издании.

евреи представляются причиной религиозного неблагополучия христиан (ср.: *...женщины Христианской веры, живущия в домах у Евреев для услуг, не только забывают и оставляют без исполнения обязанности Христианской веры, но принимают обычаи и обряды Еврейские, и нередко, по снисхождению Евреев, впадают в разврат* [СЗиП, с. 104]) или агенсом враждебных по отношению к христианам действий, мотивированных религиозными противоречиями (ср.: *Евреи, отделяясь от собратий своих по плоти Христианскою Религиею, <...> подвергают себя... гонению от них и угнетениям всякого рода* [СЗиП, с. 88]). Определяя таким образом евреев, законодатель выстраивает конституирующую для националистического закона Российской империи оппозицию «евреи — христианство, христиане», реализуемую практически во всех примерах данного гибридного жанра (ср. первый образец — резолюцию Анны Иоанновны от 3 июля 1738 года «О сожжении флота Капитан-Лейтенанта Возницына, за отпадение от Христианско веры, а Жида Бороха за превращение онаго Капитана в Жидовский закон» [СЗиП, с. 10—14] и наиболее позднее мнение Государственного совета от 23 ноября 1859 года «О предоставлении права на денежное пособие Евреям, принявшим Христианскую веру какого бы то ни было исповедания» [СЗиП, с. 926—928]).

Следует заметить, что националистический закон о евреях реализует вариацию оппозиции по религиозному признаку, противопоставляя *евреев-раввинистов* и *евреев-караимов* (см. тексты №№ 637 [СЗиП, с. 749—750], 741 [СЗиП, с. 840—841]). Определение *раввинисты* указывает на принадлежность к иудаизму (ср. «*раввинист. Последователь учению раввинов*», в свою очередь, «*раввин. Иудейский учитель*» [СЦСРЯ, т. 4, с. 2])¹; наименование *караимы* — в современном языке этноним, называющий народность тюркской языковой группы [МАС, с. 31] — в XVIII—XIX веках функционировало как название религиозной группы — еврейской секты [СРЯ XVIII, вып. 9, с. 252; ЭС, с. 426], ср.: *Между Евреями вообще, или так называемыми, Раввинистами и собственно Караимами существует замечательное различие как в отношении к догматам веры, (первые следуют учению Талмуда, а последние исключительно Священному Писанию Ветхаго Завета), так равно и в нравственном и гражданском отношении: Караимы стремятся с оседлой жизни и сближению с обычаями мест-*

1 В указе Екатерины II от 8 июля 1795 года «Об увольнении Таврических Евреев, именуемых Караимы, от положенных вообще на всех евреев двойных податей» (не является образцом националистического закона о евреях) используется наименование рабби [СЗиП, с. 38], в более поздних документах последовательно употребляется определение раввинисты.

ных жителей, занимаются охотно земледелием и известны своим трудолюбием и строгостью правил жизни [СЗиП, с. 749].

Автор националистического закона о евреях, предполагая необходимость защиты христианства от евреев-врагов, может принуждать адресата каузировать соответствующую ситуацию посредством наложения на него нормативной обязанности (ср.: *Комитет рассуждал, что встречая неоднократно по делам примеры подобного отпадения от Веры Христианской в закон Еврейский, и находя, что столь явное отступление от закона отечественного, не должно быть вовсе терпимо Правительством, обязанным охранять господствующую Веру и соблюдать членов ее от обольщений, пагубных как для них самих, так и для общества, считает необходимым, поставить преграду злу сему и принять против оного надежные меры* [СЗиП, с. 141]). Подобным образом националистический закон эксплицирует стратегическую цель, отражающую государственную националистическую идеологию, которую в определенной степени характеризует употребление законодателем наименования *зло* в наиболее общем значении ‘дурное, пагубное (противоп. добро)’ [Даль, с. 706; СРЯ XVIII, вып. 8, с. 185] для номинации религиозных воззрений евреев, их религиозной деятельности.

Религиозный контраст «евреи — христианство, христиане» не является единственным, определяющим идеологический тип националистического закона о евреях. Представления о евреях как о врагах христианства дополняются или замещаются позиционированием евреев в качестве источника экономического неблагополучия иных подданных Российской империи (ср.: *...главную причину расстройств крестьян Белорусских, признано пребывание Евреев в селениях и продажа вина, ими в оных производимая...* [СЗиП, с. 119]) или источника ущерба экономике государства (ср.: *Евреи <...> сильно вредят как ходу правильной торговли, так и успехам отечественных мануфактур и фабричных заведений и наносят ущерб пошлинному доходу...* [СЗиП, с. 136]).

Подобный негативный образ евреев в целом основывается на законодательном определении евреев в качестве субъектов *вреда, зла, злоупотреблений* (ср.: *Что касается до Евреев, то Комитет, усматривая, сколь важный вред происходит от водворения их в селениях <...> признает, что к отвращению зла, ими причиняемого одни частные распоряжения не могут быть достаточны...* [СЗиП, с. 121]; *...по самой границе за несколько шагов от оной Евреи содержат корчмы и производят торговлю, от чего происходит величайшее злоупотребление* [СЗиП, с. 136]). Эти номинации в националистическом законе о евреях выступают в качестве синонимов,

называя ‘последствия какого-л. негативного воздействия на что-л.’ [Даль, с. 265, 709; САР, ч. 1, стб. 722; САР, ч. 2, стб. 874, 886—887; СЦСРЯ, т. 1, с. 172; СЦСРЯ, т. 2, с. 87, 90], то есть выделяя семантический компонент ‘ущерб’, противопоставленный компоненту ‘польза’. Так законодатель определяет типизированную ситуацию непользы (вреда) через наличие агенса (евреев), производящего действие, в результате которого возникает определенный ущерб преимущественно экономического характера, наносимый малефактиву (субъекту, контрастирующему с евреями).

Намерение преодолеть ситуацию непользы (вреда) является обязательной целью националистического закона о евреях, придающей ему утилитарный нормативный характер, ср.: *...от таковых имени Христа Спасителя ненавистников, Нашим верноподданным крайняго вреда ожидать должно. А понеже Наше Всемилостивейшее матернее намерение есть от всех чаемых Нашим верноподданным и всей Нашей Империи случиться могущих худых следствий крайне охранять и отвращать; того для и сего в забвении оставить Мы не хотя, Всемилостивейшие повелеваем...* [СЗиП, с. 18].

Предположение автора националистического закона о евреях о необходимости существования ситуации охранения христианства от евреев, необходимости преодоления ситуации непользы (вреда), где агенсом выступают евреи, определяет характер реализуемых прескрипций. Законодатель, вступая в диалог с адресатом, предполагает, что последний каузирует ситуации двух типов.

Первый тип несет дискриминационный, или ограничительный, характер: предполагается ситуация ограничения существования евреев в определенном пространстве (ср.: *Относительно к обязанности Гражданского Начальства. <...> 7) Из уездов, в коих находится секта Субботников, или Иудейская, и соседственных им уездов, выслать всех евреев без исключения, где бы они ни находились, и впредь ни под каким предлогом пребывания там им не позволять* [СЗиП, с. 142]) или ситуация имущественного / экономического ограничения евреев (ср.: *...Евреи ни в каком селении не могут содержать никаких аренд, шинков, кабаков и постоянных дворов, ни под своим, ни под чужим именем, ни продавать в них вина и даже жить в них...* [СЗиП, с. 119]).

Ситуация ограничения обладает сложной структурой, так как совмещает ситуации принуждения и запрещения, то есть дискриминационная прескрипция сочетает модусы нормативного принуждения и нормативной невозможности. Наиболее наглядно это положение демонстрирует запрет в качестве прямого дискриминационного директивного средства.

Ситуация второго типа несет преференциальный характер: субъектам, противопоставляемым евреям (христианам, представителям иных национальностей по отношению к евреям или евреям-караимам), предоставляется правовое преимущество перед евреями. Преференциальная норма представляет собой разрешительную конструкцию (ср.: *Ни жительства по деревням и селениям в корчмах, ни продажи горячих напитков Евреям Караимам не воспрещать* [СЗиП, с. 750]), часто отражающую контраст с помощью семантического компонента ‘за исключением евреев’ (ср.: ... *Мы Всемилостивейшие сим объявляем, что... иностранных разных наций, кроме жидов, благосклонное с Нашей обыкновенной Императорскою милостию, на поселение в Россию приемлем...* [СЗиП, с. 22]).

Примечательно, что нивелирование религиозного контраста является причиной для замены дискриминационного ограничения преференциальным разрешением (ср.: ...*Из всей Российской Империи... Жидов мужеска и женска пола, какого бы кто звания и достоинства не был, со всем их имением немедленно выслать за границу, и впредь оных ни под каким видом ни для чего в Россию не допускать, разве кто из них захочет быть в Христианской вере Греческаго исповедания, таковых крестя, в Империи Ея Императорскаго Величества, жить им позволить...* [СЗиП, с. 21]).

Описание прагматических, семантико-функциональных особенностей директивных средств националистического закона Российской империи о евреях является отдельной исследовательской задачей.

5. Этноним *жид* в националистическом законе о евреях

Отдельного замечания требует употребление в националистическом законе о евреях этнонима *жид* и его производных. По нашим наблюдениям, для законодателя это слово являлось нейтральным средством, вплоть до 1782 года отличалось регулярностью употребления во всем ряду нормативных актов, регулирующих правоотношения евреев. Далее в законодательном дискурсе *жид* замещается номинацией *еврей*, которая регулярно используется и в националистическом законе.

Однако с началом процесса законодательного регулирования противодействия секте субботников, или иудействующих, жидовствующих (1825 год, текст № 126 [СЗиП, с. 141—152]), законодатель начал ощущать инвективный потенциал номинации *жид* и ее производных, употребляя их с явно негативной коннотацией (ср.: *Как ничто не может иметь большего внимания над простым народом как презрение или посмеяние над заблуждениями, в кои совращать его ищут, и что именно средство сие употребляют как раскольники разных сект, так и Субботники, в отношении пра-*

вославной Веры: то в сношениях местных начальств именовать Субботников Жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть Жиды; ибо настоящее их наименование Субботников или придерживающихся Моисееву Закону, не дает народу точного о секте сей понятия и не производит в нем того к ней отвращения, какое может производимо быть убеждением, что обращать стараются их в Жидовство [СЗиП, с. 143]). Следует отметить, что такие примеры единичны, кроме того, после 1825 года они не встречаются в исследованных образцах, что указывает на общий неинвективный характер националистического закона о евреях.

6. Заключение

Закон Российской империи о евреях в качестве националистического текста представляет собой замкнутую парадигму наименее институализированных нормативных текстов, выделяющихся в период с 1739 по 1859 годы, обладающих рядом особенностей. 1. Прагматическая — направленность на принуждение адресата националистического закона казуировать ситуацию охранения христианства от враждебного воздействия евреев, на преодоление ситуации непользы (вреда), где агенсом выступают евреи. 2. Структурная — обязательность мотивировочной части, содержащей экспликацию мотива создания правовой нормы. 3. Диктумная — представленность типизированной схемы негативного образа евреев, выстроенной посредством речевых стратегий сверхобобщения и контраста: евреи — враги христианства, являющиеся причиной религиозного неблагополучия христиан или агенсом враждебных по отношению к христианам действий; евреи — источник экономического неблагополучия иных подданных Российской империи, экономического ущерба Российской империи. 4. Директивная — контрастность дискриминационной прескрипции, предполагающей ситуации пространственного или экономического ограничения евреев, и преференциального разрешения, способного отражать протипоставленность евреев христианам, представителям иных национальностей по отношению к евреям или евреям-караимам.

Кроме того, отмечается общий неинвективный характер националистического закона Российской империи о евреях (в частности, это выражается в неинвективных или единичных инвективных примерах употребления этнонима *жид*).

Источники и принятые сокращения

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. — Том 1: 1880. — 723 с.

2. СЗиП — *Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев от Уложения Царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649—1873 г. / сост. и изд. В. О. Леванда.* — Санкт-Петербург : Типография К. В. Трубникова, 1874. — 1158 с.
3. САР — *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 частях.* — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1806—1822. — Часть 1: 1806. — 1310 стб.; Часть 2: 1809. — 1178 стб.
4. МАС — *Словарь русского языка : в 4-х томах.* — Москва : Русский язык, 1985—1988. — Том 2: 1986. — 736 с.
5. ПСЗ 1 — *Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 1-е : в 48 томах.* — Санкт-Петербург : Типография 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.
6. ПСЗ 2 — *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е : в 55 томах.* — Санкт-Петербург : Типография 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830—1885.
7. ПСЗ 3 — *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е : в 33-х томах.* — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1885—1916.
8. СРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века.* — Санкт-Петербург : Наука, 1984—... — Выпуск 8. — 1995. — 256 с.; Выпуск 9. — 1997. — 270 с.
9. СЦСРЯ — *Словарь церковно-славянского и русского языка.* — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1847. — Том 1: 1847. — 415 с.; Том 2: 1847. — 471 с.
10. ЭС — *Энциклопедический словарь : в 86 томах.* — Санкт-Петербург : Типо-литография И. А. Ефрона, 1980—1907. — Том 14: 1895. — 480 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи: риторический аспект : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Т. В. Анисимова. — Краснодар, 2000. — 418 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
3. Бабилова М. Р. «Алогенные» жанры в современном экстремистском дискурсе / М. Р. Бабилова, М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 160—164.
4. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста / А. Н. Баранов. — Москва : Флинта; Наука, 2007. — 592 с.
5. Бахтин М. М. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» // Собрание сочинений / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари, 1997. — Том 5. Работы 1940-х — начала 1960 годов. — С. 207—286.
6. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари, 1997. — Том 5. Работы 1940-х — начала 1960 годов. — С. 159—206.
7. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3 (49). — С. 242—245.

8. Ворошилова М. Б. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте / М. Б. Ворошилова // Юрислингвистика. — 2012. — № 1. — С. 68—72.
9. Голиков Л. М. Формы долженствования в пенитенциарной инструкции XIX века / Л. М. Голиков, О. В. Дружининская // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 9—23. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23.
10. Громова Н. С. Конституирующие признаки экстремистского дискурса / Н. С. Громова // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (65). — С. 241—245.
11. Громыко С. А. «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной думе Российской империи) / С. А. Громыко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 56. — С. 23—33.
12. Дементьев В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — Москва : Знак, 2010. — 600 с.
13. Законы о евреях : систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями правительствующего сената и Центральных правительственных установлений : с постатейным, хронологическим и алфавитно-предметным указателями. — Санкт-Петербург : Юриспруденция, 1914. — Часть 1. — 455 с.
14. Злоказов К. В. Восприятие экстремистского текста субъектами с различным уровнем деструктивной установки / К. В. Злоказов // Политическая лингвистика. — 2014. — № 1. — С. 265—272.
15. Киреева Е. З. Категория модальности и ее выражение в тексте официального документа (на материале регионального законодательства) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Е. З. Киреева. — Архангельск, 2019. — 440 с.
16. Мельник Г. С. Социоллингвистические маркёры экстремистского текста / Г. С. Мельник, Б. Я. Мисонжиков // Гуманитарный вектор. — 2015. — № 4 (44). — С. 107—113.
17. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика [Электронный ресурс] / К. Ф. Седов // Жанры речи. — Саратов : Наука, 2009. — Выпуск 6. Жанр и язык. — Режим доступа : <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6>.
18. Федюнина Е. С. Языковые особенности националистических текстов / Е. С. Федюнина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2008. — № 1. — С. 135—138.
19. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра [Электронный ресурс] / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — Саратов : Колледж, 1997. — Выпуск 1. — Режим доступа : <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1>.
20. Miller C. R. Genres as social action / C. R. Miller // Quarterly Journal of speech. — 1984. — Vol. 70. — P. 151—167.
21. Van Dijk Teun A. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice : Prepublication: Working Paper No. 2. [Electronic resource] / Teun A. Van Dijk. — Amsterdam, 1983. — 70 p. — Access mode : <https://eric.ed.gov/?id=ED231689>.

THE LAW OF RUSSIAN EMPIRE ON JEWS AS A NATIONALIST TEXT¹

© **Leonid M. Golikov (2020)**, orcid.org/0000-0002-9952-4116, SPIN 7998-2040, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, VILE of the FPS of Russia (Vologda, Russia), lgolikov@mail.ru.

The results of the study of the Law of the Russian Empire on Jews are presented. It is stated that these documents form a hybrid discursive community of texts, combining the directivity of the law and the persuasiveness of the nationalist text. The relevance of the work is due to the fact that the study of the normative texts of the legislation of the Russian Empire (XVIII, XIX centuries) allows not only to reveal the patterns of development of the language of law, but also to supplement information about the linguistic and pragmatic characteristics of speech genres. The novelty of the study is seen in the fact that examples of the mutual influence of legislative and socio-political discourses are considered. From the layer of legislative acts regulating the legal relations of Jews, the author singles out the nationalist law on Jews, which distinguishes the focus on forcing the addressee to causate the situation of protecting Christianity from the hostile influence of the Jews, on overcoming the situation of non-use (harm), where the agents are Jews. This circumstance ensures the presence of a motivational part in the structural-content scheme, which justifies the usefulness of legislative regulation by the negative nature of the image of Jews as an ethnic and religious community, the expression of contrasting prescriptions that are discriminatory towards Jews and preferential against the opposing Jews to national and religious groups. The author, analyzing the use of the nomination *jude*, highlights the general non-injective nature of the nationalist law on Jews.

Key words: legislative text; nationalist text; nationalist law on Jews; speech genre.

MATERIAL RESOURCES

- Dal, V. I. (1880—1882). *Tolkovyy slovar' zhivago velikoruskago yazyka, 4/1: 1880*. Sankt-Peterburg: Tipografiya M. O. Volfa. (In Russ.).
- ES — *Entsiklopedicheskiy slovar'*, 86. (1980—1907). Sankt-Peterburg: Tipo-litografiya I. A. Efrona. (In Russ.).
- MAS — *Slovar' russkogo yazyka, 4/2: 1986*. (1985—1988). Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
- PSZ 1 — *Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye 1/48*. (1830). Sankt-Peterburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii. (In Russ.).
- PSZ 2 — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 2/55*. (1830—1885). Sankt-Peterburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii. (In Russ.).
- PSZ 3 — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 3/33*. (1885—1916). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- SAR — *Slovar' Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poryadku raspolzheniyy, 6: 1806, 2: 1809*. (1806—1822). Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk. (In Russ.).
- SRYa XVIII — *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka, 8—9*. (1984—...). Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).

¹ This work was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-012-00111 “Russian nationalism in the linguistic aspect: pragmatics, dynamics, expertise”.

- STsSRYa — *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkago yazyka. 1—2.* (1847). Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. (In Russ.).
- SZiP — Levanda, V. O. (ed.). (1874). *Polnyy khronologicheskyy sbornik zakonov i polozheniy, kasayushchikhsya evreev ot Ulozheniya Tsarya Alekseya Mikhaylovicha do nastoyashchago vremeni, ot 1649—1873 g.* Sankt-Peterburg: Tipografiya K. V. Trubnikova. (In Russ.).

REFERENCES

- Anisimova, T. V. (2000). *Tipologiya zhanrov delovoy rechi: ritoricheskyy aspekt: dissertatsiya... doktora filologicheskikh nauk.* Krasnodar. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka.* Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
- Babikova, M. R., Voroshilova, M. B. (2015). «Alogenny» zhanry v sovremennom ekstremistskom diskurse. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (54): 160—164. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1997). Iz arkhivnykh zapisey k rabote «Problema rechevykh zhanrov». In: *Sobraniye sochineniy, 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960 godov.* Moskva: Russkiye slovari. 207—286. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1997). Problema rechevykh zhanrov. In: *Sobraniye sochineniy, 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960 godov.* Moskva: Russkiye slovari. 159—206. (In Russ.).
- Baranov, A. N. (2007). *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta.* Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).
- Dement'ev, V. V. (2010). *Teoriya rechevykh zhanrov.* Moskva: Znak. (In Russ.).
- Fedyunina, E. S. (2008). Yazykovyye osobennosti natsionalisticheskikh tekstov. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 1: 135—138. (In Russ.).
- Golikov, L. M., Druzhininskaya, O. V. (2019). Formy dolzhenstvovaniya v penitentsiarnoy instruksii XIX veka. *Nauchnyy dialog*, 9: 9—23. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23. (In Russ.).
- Gromova, N. S. (2017). Konstituiruyushchiye priznaki ekstremistskogo diskursa. *Politicheskaya lingvistika*, 6 (65): 241—245. (In Russ.).
- Gromyko, S. A. (2018). «Natsionalnyy argument» v russkoy parlamentskoy ritorike (na materiale diskussii v Gosudarstvennoy dume Rossiyskoy imperii). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 56: 23—33. (In Russ.).
- Kireeva, E. Z. (2019). *Kategoriya modalnosti i ee vyrazheniye v tekste ofitsialnogo dokumenta (na materiale regionalnogo zakonodatelstva): dissertatsiya... doktora filologicheskikh nau.* Arkhangelsk. (In Russ.).
- Melnik, G. S., Misonzhikov, B. Ya. (2015). Sotsiolingvisticheskiye markery ekstremistskogo teksta. *Gumanitarnyy vektor*, 4 (44): 107—113. (In Russ.).
- Miller, C. R. (1984). Genres as social action. *Quarterly Journal of speech*, 70: 151—167.
- Sedov, K. F. (2009). Yazykoznaniye. Rechevedenie. Genristika. In: *Zhanry rechi, 6. Zhanr i yazyk.* Saratov: Nauka. Available at: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6>. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (1997). Model' rechevogo zhanra. In: *Zhanry rechi, 1.* Saratov: Kolledzh. Available at: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1>. (In Russ.).
- Van Dijk Teun, A. (1983). *Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice: Prepublication: Working Paper No. 2.* Amsterdam. Available at: <https://eric.ed.gov/?id=ED231689>.

- Voroshilova, M. B. (2012). Chernaya chuma: nominatsii vraga v ekstremistskom tekste. *Yurislingvistika*, 1: 68—72. (In Russ.).
- Voroshilova, M. B. (2014). Kognitivnyy arsenal i kommunikativnye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa. *Politicheskaya lingvistika*, 3 (49): 242—245. (In Russ.).
- Zakony o evreyakh: sistematicheskii obzor deystvuyushchikh zakonopolozeniy o evreyakh s razyasneniyami pravitelstvuyushchego senata i Tsentralnykh pravitelstvennykh ustanovleniy: s postateynym, khronologicheskim i alfavitno-predmetnym ukazatelyami*, 1. (1914). Sankt-Peterburg: Yurisprudentsiya. (In Russ.).
- Zlokazov, K. V. (2014). Vospriyatiye ekstremistskogo teksta subyektami s razlichnym urovnem destruktivnoy ustanovki. *Politicheskaya lingvistika*, 1: 265—272. (In Russ.).